

КТО дерзает отныне утверждать, будто в Италии литературные дискуссии вызывают интерес лишь в узком кругу «профессионалов» и что ведутся они «академически сухо»? В литературных дебатах, о которых я хочу вам рассказать и которые стали, можно сказать, всеобщими, уже «приняли участие»: один полицейский комиссар с отрядом полицейских агентов; префект города; один динамитчик; еще один отряд агентов (на сей раз из так называемой «научной полиции»); депутаты различных партий; газеты всех направлений; огромная армия священников; и, наконец, несметное число граждан.

«Аргументами», которые приводились в этой дискуссии разными сторонами, до настоящего момента были: одна начиненная порохом восьмисотграммовая бомба; одна голодная забастовка; несколько десятков полицейских дубинок; итальянская конституция; Конкордат между государством и церковью, заключенный в 1929 году; история дипломатии периода второй мировой войны; один ордер на арест; правила пожарной безопасности в общественных местах и, наконец, высказывания малоизвестного священника — Джениадно, который еще в 1952 году нашей эры выступал против папы Льва I, готового пойти на переговоры со страшным Аттілой — тогдашним Адольфом Гитлером. А ведь дискуссия еще только началась.

ТЕМОЙ для нее послужила пьеса западногерманского драматурга католика Рольфа Хоххута «Наместник». В своей драме Хоххут, этот современный Джениадно, обвиняет папу римского Пия XII в том, что он молчал, когда Гитлер уничтожал миллионы людей в своих лагерях смерти; молчал, тем самым выражая свою солидарность с третьим рейхом и его «крестовым походом» против большевиков. Драма Хоххута уже поставлена во многих западноевропейских столицах.

У нас в Италии премьера пьесы должна была состояться в се-

редине февраля. Несколько артистов, отдающих себе отчет в том, что на открытый спектакль разрешения им не получить, решили все же (прекрасно, между прочим, сознавая, что их «отлучат» от официальной культуры) познакомить зрителей с произведением, в котором затронуты проблемы, связанные с прошлым и настоящим нашей страны. Для этого они сняли полуодувант бывшей церквушки в одном из римских переулков. Они хотели познакомить зрителей с пьесой, так сказать, «частным» образом: каждый вечер на спектакле могло бы присутствовать лишь с полсотни человек, приглашенных самими актерами. В общем, все должно было носить характер дружеских встреч.

В день «премьеры» в импровизированном театре собрались римские журналисты и видные римские деятели культуры. Но не успели поднять занавес, как в зале появились (без всякого, конечно, приглашения) полицейские, потребовавшие, чтобы спектакль был прекращен. «Предъявите письменное предписание», — потребовали артисты. Такого не оказалось, но полицейские заявили, что «представление продолжаться не может, поскольку помещение театра не отвечает требованиям противопожарной безопасности». «Да ведь это же не театр, — протестовали актеры, — а просто погребок; это не спектакль для широкой публики, а обыкновенная встреча друзей!» Но полицейские уже грубо выталкивали из зала итальянских и иностранных журналистов, известных писателей и живописцев. Выставленные за дверь гости собрались на улице и начали петь песни антифашистского сопротивления. Не обошлось, конечно, и без крепких слов. Полицейские загрохотали грузовицом вход в «театр», и актерам осталось лишь запереться в погребке в знак протеста.

ТАК началась «дискуссия». На следующее утро правые газеты с восторгом писали об акции полицейских, цо хотя смехотворность «противопожарных» ссылок была очевидна, они все

равно доказывали, что полиция правильно сделала, запретив постановку «Наместника», потому что это «плохая пьеса». Жители Рима схибно усмеялись. Они, как, впрочем, и жители любого другого города и любой другой страны, умеют возмущаться несправедливостью, но излюбленное их оружие — убийственный сарказм, бесшощадная ирония, ядовитая ухмылка: «А откуда вы знаете, что пьеса плохая, раз вы ее не видели?»

ПОЛЕМИКА ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Энцо РАВА,
итальянский публицист

Вероятно, на следующее утро полицейские прихвостности собрались ответить, что, мол, и смотреть ее ни к чему: просто она плохая, так как в ней рассказывается о плохом. Но ответ этот реакционным поискам пришлось оставить при себе, так как возможность посмотреть «Наместника» им все-таки представилась. Уже на следующий вечер, обманув бдительность полиции, артисты собрались в помещении одного книжного магазина, и, пригласив туда журналистов, все-таки показали им спектакль. Играли антуражисты без декораций, без необходимого освещения, на крошечном пятачке. Глаза их были красны от бессонницы, а голоса слабы от голода.

Первое представление драмы Хоххута оказалось и последним. Постановка пьесы была окончательно запрещена даже в театрах, вполне отвечающих требованиям противопожарной безопасности. Объявлялся запрет следующим образом: в Конкордате, заключенном между церковью и государством в 1929 го-

ду, записано, что Рим «священен», а критика в адрес покойного папы римского несовместима с этим положением Конкордата. Следовательно, в Риме «Наместника» ставить нельзя.

На сей раз римляне рассердились не на шутку: ведь подобное толкование Конкордата означает, что на римских граждан смотрят как на «граждан второго сорта», которым дается меньше прав и свобод, чем это предусмотрено конституцией для всех

«граждан» характер, — тоже служит своего рода аргументом в полемике вокруг пьесы.

Прежде всего это пришло в голову, конечно, полиции. Какой-то свидетель сказал, что у злоумышленника была «жиденькая борода». Как же здесь не обратить внимание на то, что у одного актера тоже жиденькая борода, которую он и отпустил специально для спектакля. Актера немедленно арестовали и, призвав представленное им алиби неубедительным, объявили виновным. Казалось бы, для клерикал-фашистской печати нашелся великолепный случай «доказать», что те, кто критикует политику покойного папы, в действительности лишь о том и помышляют, как бы убить нынешнего папу. Но к всеобщему удивлению вдруг выяснилось, что действительно злоумышленник-то вовсе не новичок в такого рода делах: несколько лет тому назад, будучи членом нефашистской организации, он швырял бомбы (и притом более «успешно») в помещения ячеек коммунистической партии. Газетам оставалось только назвать его «шалонаем» и продолжать обсуждение вопроса о «Наместнике» и о «бомбах», не уточняя, кто же именно их бросает.

ВОТ так и развивается наша литературная дискуссия. По-видимому, она не окончится и к тому времени, когда вы будете читать эту корреспонденцию, если только интерес к ней не ослабеет из-за какого-нибудь другого, более важного события.

Во всяком случае, все ее ход вполне может дать вам представление о том, как в Италии любые проблемы культурной жизни (начиная с истории и кончая эстетикой) немедленно переплетаются с проблемами политическими и выявляются в конце концов в «обобщенные» дискуссии. От таких проблем наши правые (вообще ненавидящие «интеллигенцию», которая, по их мнению, состоит из одних агентов дьявола и Москвы) сразу же теряют голову и за неизменем иных аргументов пускают в ход полицейские дубинки. Кстати, хочу заметить, что

в «Наместнике» наряду с верными мыслями и выводами есть и два-три антисоветских штриха, которые могли бы очень «пригодиться» правым, если бы они удостоились хотя бы познакомиться с пьесой Хоххута.

Всякий раз, когда какой-нибудь фильм, спектакль или даже музыкальная программа «подрывает», по мнению правых, Священные Принципы, они требуют вмешательства министра, префекта или по крайней мере полицейского комиссара. Так был наложен секвестр на одну картину «оскорбляющую религию» (хотя никто не мог понять, как именно) были запрещены песенки, в которых высмеивались генералы, участвовавшие... в первой мировой войне; был искоренен цензурой фильм, в котором рассказывалось о трагедии покинувших землю крестьян, так как его, видите ли, сочинил «безразличным». Иногда под давлением общественности такое «вето» отменяется, а иногда остается в силе. Что касается последней дискуссии, то правые полагают, что они одержали победу, тогда как в действительности они потерпели поражение: ведь кандава попытка долпать свободу мысли, собраний, печати толкает влево все новых представителей интеллигенции, молодежи, крестьян. В ходе «полюмики» вокруг пьесы «Наместник», проходившей при непосредственном участии полицейских, один из наших консерваторов в ладанарной форме высказал следующую истину: «Коммунисты в Италии сейчас очень сильны. А что касается культуры, то здесь существенным вкладом в дело усиления авторитета коммунистов является наша собственная глупость».

РИМ, март

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА

25 МАРТ 1965